

ЕКОНОМІЧНА ТЕОРІЯ

УДК 334.012.32

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ УСТАРЕЛА

*А. В. Бузгалин, доктор экономических наук, профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*

Рассмотрены основные подходы (неоклассический, неоинституциональный, классического институционализма, марксистский) к определению природы и основных форм частной собственности, ее историческая эволюция. Раскрыты изменения частной собственности в условиях глобализации, генезиса постиндустриальных технологий, доказана их противоречивость. Обоснованы особенности отношений и прав собственности в трансформационной экономике.

***Ключевые слова:** частная собственность, права собственности, формы собственности, система отношений собственности.*

Автор озаглавил свою статью именно так, без вопросительного знака, ибо берется показать в ней, что классический тезис о частной собственности как основе обеспечения эффективности экономики на базе раскрепощения личной инициативы и предприимчивости, а также свободы индивида и иных фундаментальных принципов либерального мироустройства, в современную эпоху является анахронизмом [1].

Впрочем, я взялся бы показать, что и в прежние времена эта «аксиома» неоклассики была неверна, хотя и многократно «доказывалась» Хайеком, Пайпсом и другими учеными (это не оговорка: для названных авторов тезис «частная собственность — наше все!» есть именно аксиома, однако реальная жизнь столь явно оспаривает их утверждение, что им приходится тратить массу времени на его доказательство, превращая аксиому в теорему...). Но оставим в стороне XIX век с его расцветом классической частной собственности и обратимся к современности. Сделаем несколько предварительных замечаний.

Частная собственность и ее эволюция. Частная собственность является одним из основообразующих институтов рыночной экономики на всем протяжении ее развития. В то же время следует иметь в виду, что частная

собственность была характерна и для дорыночных экономических систем (частная собственность на землю, капитал и человека в азиатских, рабовладельческих, феодальных системах). Истории экономических систем известны и примеры регулируемой рыночной экономики, в которой частная собственность играла подчиненную роль, а основными были государственные и кооперативные предприятия (экономика Югославии 60-х гг. XX в.), а также примеры относительно широкого развития частной собственности в экономиках, не рыночных в своей основе (Польша 50–70-х гг., где более 60 % аграрного сектора базировалось на частных хозяйствах). Кроме того, хорошо известно существование экономических систем, которые базировались не на частной собственности. Большая часть истории человечества — это история общинного строя, предполагавшего общественную собственность на ресурсы. Прошлое, XX столетие продемонстрировало возможность существования на протяжении более 70-ти лет экономики, основанной на государственно-бюрократическом (с элементами общественного) распоряжении и присвоении ресурсов. Одна из таких экономических систем — Куба — развивается и поныне. В развитых рыночных экономиках значительная часть ресурсов также находится в общественной собственности. Все это делает принципиально важным вопрос о природе, эволюции и современных формах частной собственности, перспективах ее развития.

Природа частной собственности. Феномен частной собственности исследуется разными школами экономической теории.

В рамках доминирующей в настоящее время неоклассической теории частная собственность в большинстве случаев рассматривается как самоочевидная («естественная», т. е. как бы природой данная) предпосылка исследования. Эта школа, исходящая из методологии позитивизма, берет за основу те факты, которые доминируют в изучаемой ими действительности, а в развитой рыночной экономике доминирует именно частная собственность. В дальнейшем феномен частной собственности рассматривается как один из аспектов других фундаментальных аксиом: методологического индивидуализма, рациональности поведения экономического человека, ориентации фирм и других частных собственников на максимизацию прибыли, независимость предпринимательской деятельности и др.

Что касается форм собственности, то в рамках этой теории существует базовое деление на частную и государственную (публичную) собственность. К частной собственности относят собственность корпораций (акционерных обществ), мелкого и среднего бизнеса, а также домохозяйств.

Одним из важнейших постулатов неоклассической теории является тезис о наибольшей эффективности (понимаемой как максимизация прибыли или дохода в соотношении с издержками фирмы) частной собственности по срав-

нению с государственной и другими общественными формами собственности. Именно частная собственность с точки зрения этой школы обеспечивает наибольшие возможности для экономического прогресса и свободы индивида. Более того, свобода индивида рассматривается неоклассиками (и — шире — либеральным течением общественной мысли) как следствие исключительно частной собственности, которая создает материальную базу этой свободы.

В рамках неоинституциональной экономической теории, акцентирующей, в частности, сложную систему прав собственности, показывается, что частная собственность, как и любая другая, распадается на пучок правомочий, которые могут быть распределены между различными физическими и юридическими лицами. Этот тезис следует выделить особо, т. к. в реальных условиях развитой регулируемой рыночной экономики частная собственность предполагает сложную систему институциональных связей между различными субъектами собственности, при которой ни один из собственников, как правило, не концентрирует в одних руках всех прав (за исключением семейных или личных частных предприятий, не вступающих в отношения заклада, аренды, кооперации и т. п.). Типичным является сложное распределение прав собственности в акционерном обществе между титульными собственниками (которые включают множество — до нескольких миллионов — физических лиц, другие частные корпорации, в ряде случаев — государство и работников), менеджерами, работниками (в США и Западной Европе существуют специальные планы привлечения работников к управлению), третьими лицами. В большинстве случаев правомочия собственника в развитых рыночных экономиках существенно ограничены государством.

В результате система прав собственности в современной корпорации весьма сложна и далека от абстракции рационального частного собственника.

Существенные коррективы в трактовку частной собственности вносит и *теория классического институционализма*. Ее авторы, в частности, акцентируют сходство крупных корпоративных структур с плановой системой, в которой власть принадлежит уже не столько рациональному индивидуальному частному собственнику, сколько системе централизованного управления корпорацией (корпоративный сектор даже был назван «плановым»). Причиной этого является феномен «революции управляющих» — перераспределения значительной экономической власти в руки управляющих корпорацией.

Марксистская экономическая теория, и в частности советская политическая экономия, является школой, которая рассматривает собственность как одну из фундаментальных экономических категорий и уделяет ее анализу большое внимание. Особенно подробно эти проблемы были исследованы советской политической экономией, в рамках которой апология «реального социализма» противоречиво сочеталась с тщательным научным анализом

сложной системы отношений собственности в экономике XX в. и в исторически предшествовавших системах.

Собственность определяется как система экономических отношений между людьми по поводу использования, распоряжения и присвоения каких-либо объектов. Содержание собственности — это реальные отношения присвоения (или отчуждения) общественного богатства, когда определенное экономическое лицо (индивид, фирма, государство) может стать собственником ресурса, только вступая в определенные экономические отношения с другим лицом. То, каким является это отношение, и определяет природу собственности.

Так, крестьянин эпохи средневековья мог получить доступ к земле, только вступив в отношения личной зависимости (продал себя сеньору). В азиатской деспотии условием использования ресурса (скажем, ирригационной системы) было подчинение централизованной системе власти (т. н. «государственное рабство»). В рыночной экономике условием приобретения собственности (если абстрагироваться от наследства) является вступление в отношения купли-продажи и т. п.

В любом обществе важнейшей проблемой собственности является отношение между работником и собственником средств производства. В большинстве обществ подавляющее большинство работников отчуждено от собственности на средства производства (землю, капитал и т. п.), и для того, чтобы иметь возможность участвовать в производстве, должны вступать в определенные отношения с собственником. Это, как мы уже сказали, могут быть отношения личной зависимости (рабство, крепостничество), наемного труда и др.

Формы собственности, с точки зрения марксизма, также исторически развиваются и многообразны. Они не сводятся к делению на частную и публичную формы собственности, включая характерную для настоящего времени сложную цепочку форм, начиная от частной собственности отдельного физического лица, одновременно являющегося работником, к индивидуальной капиталистической собственности, основанной на использовании наемного труда, акционерной собственности, собственности кооперативов и коллективных предприятий, различным формам государственной собственности (муниципальной, региональной, федеральной), собственности общественных организаций и всеобщей собственности (здесь отношения собственности «тают»: говорить о собственности на воздух или теорему Пифагора можно лишь условно). Экономические формы собственности, как правило, закреплены в юридических институтах.

Для марксизма характерны акценты на, во-первых, собственности как отношении, содержанием которого является совокупность производственных отношений, определяющих природу той или иной конкретной экономической

системы. Во-вторых, на том, что отношения собственности исторически развиваются и претерпевают качественные изменения. В-третьих, аргументация тезиса о том, что отношения частной собственности исторически ограничены и по мере научно-технологического развития и прогресса человеческих качеств могут быть сняты отношениями общественной (в дальнейшем — всеобщей) собственности как более адекватными для реализации гуманистических, социальных и экологических приоритетов.

Эволюция отношений собственности. Трансформация отношений собственности в современной экономике. Как уже было отмечено, отношения собственности исторически изменяются. Это касается и их содержания, и их форм.

Историческая эволюция экономических систем и, в частности, отношений собственности, наиболее подробно исследуется в рамках марксистской экономической теории и некоторых курсах компаративистики (сравнительного анализа экономических систем). В рамках таких подходов мы и рассмотрим этот вопрос.

Исторически исходной системой отношений собственности была общественная собственность, предполагающая власть традиций и отношения зависимости человека от природы и рода (общины). Эти отношения господствовали на протяжении нескольких сотен тысяч лет, вплоть до образования простейших форм государственной и частной собственности в раннеклассовых обществах Египта, Шумера и т. п. Однако и в дальнейшем, вплоть до конца XIX в., в большинстве регионов Азии и Африки, в некоторых регионах Латинской Америки, а также в Российской империи были широко распространены отношения общинного землепользования и зависимость личности (крестьянина, ремесленника) от общины. В некоторых регионах эти отношения распространены до сих пор. Наследием общинной собственности, предполагавшей господство коллективной общности членов рода (родовая община) или соседей (соседская община), подчинения индивида традиции, коллективности труда и отношений дарения как способа распределения ресурсов, являются различные формы неконкурентных (взаимопомощь, солидарность, кооперация и т. п.) родовых и соседских взаимодействий между людьми.

Следующий большой исторический период в развитии отношений собственности был связан с господством различных форм личной зависимости и собственности не только на материальные факторы производства, но и на личность человека. Эти отношения развивались от личной зависимости индивида от азиатской деспотии в целом к иным формам, которые возникли в ряде регионов параллельно со старой формой, в ряде — как альтернативный путь эволюции личной зависимости. Ими стали рабство (полная собственность частного лица на личность человека) и крепостничество (частичная

собственность на личность человека). Эти формы, просуществовав более двух тысячелетий, стали одним из элементов современных рыночных экономик в ряде развивающихся стран и экономик, образовавшихся на постсоветском пространстве.

Наибольший интерес для современной экономической теории и практики представляют формы частной собственности и их содержание в рыночной экономике. Их современное состояние было кратко охарактеризовано выше. Исторически эти отношения развивались (при абстрагировании от нетипичных исключений) от доминирования индивидуальной трудовой частной собственности к собственности частных физических лиц (семьи) на капитал при использовании наемного труда и отчуждении работника от собственности на капитал и далее — акционерной собственности и т. д.

С начала XX в. и особенно после Второй мировой войны для развитых рыночных экономик и ряда экономик третьего мира стало характерно развитие значимой государственной собственности (до 30 % в ряде отраслей плюс собственность на инфраструктуру, общенациональные культурные и природные ценности, доминирование государственного сектора в сфере образования в ряде европейских стран и т. п.). Пик развития общественных форм собственности в развитых странах приходится на середину прошлого столетия. С 80-х гг. XX в. наблюдается относительное (хотя и незначительное) сокращение доли государственного сектора при росте доли собственности общественных организаций и иных негосударственных структур.

Особо выделяются отношения собственности в плановой экономике. Хотя в большинстве стран советского блока произошли качественные изменения, ряд стран (отчасти Китай, в большей степени — Куба) сохраняют значительные компоненты отношений собственности, характерных для плановой экономики.

Для этой системы было типично доминирование так называемой «общественной» собственности. Ее формами была государственная собственность в промышленности и соединение кооперативной и государственной собственности в сельском хозяйстве. В ряде стран Восточной Европы в период развития «реального социализма» большую роль сыграла кооперативная собственность и мелкая частная собственность в сфере торговли и услуг (Венгрия, Польша) и сельского хозяйства (Польша). В Югославии середины XX в. господствовала коллективная собственность при широком развитии рыночных отношений. Во всех странах мировой социалистической системы присутствовала также личная собственность граждан (на предметы потребления) и частная собственность в теневом секторе экономики.

Если обратиться к содержанию так называемой «общественной собственности» в плановой экономике, то для него было характерно глубокое противо-

речие. С одной стороны, основные права собственности были сосредоточены в руках господствовавшей в этих системах бюрократической верхушки («номенклатуры»), которая, по сути дела, бесконтрольно распоряжалась основными ресурсами и определяла направления их использования. Граждане были отчуждены от функций собственника. Это позволило ряду исследователей квалифицировать этот феномен как «всеобщую частную собственность». С другой стороны, граждане получали определенные социальные гарантии и общественные блага (полная занятость, безопасность, пенсионное обеспечение, бесплатная медицина и образование и т. п.).

В настоящее время мировая экономика и экономика России в частности, переживают существенные изменения, связанные с развитием процессов глобализации и генезисом постиндустриальных технологий и соответствующих общественных изменений.

Генезис постиндустриального общества приводит к противоречивым изменениям в отношениях собственности. С одной стороны, возрастание роли творческой деятельности, развитие процессов индивидуализации и миниатюризации, гибких сетевых форм организации создает существенные ограничения на пути развития тех форм собственности, которые предполагают функционирование крупных, высококонцентрированных экономических структур (государственных и крупных корпоративных структур). Эти же процессы обуславливают перспективность использования относительно небольших, гибких, организованных по сетевому принципу структур, использующих формы частной (в том числе — индивидуальной трудовой или предполагающей наемный труд) и общественной (внедренческие и иные кооперативы и коллективные предприятия, временные творческие коллективы с гибкой системой общественных прав собственности на ресурсы и результаты) собственности.

С другой стороны, переход к знаниями интенсивной экономике и акцент на инновациях создают новые предпосылки для развития крупных форм собственности и всеобщей собственности. Так, крупнейшие корпорации (в ряде случаев — почти абсолютные монополисты, как, например, Майкрософт) и государство и сейчас являются одними из основных разработчиков и субъектов внедрения стратегических инноваций. Что же касается знаний и иных культурных благ, то по своей природе они являются неограниченными общественными ресурсами, которые в этом смысле могут находиться во всеобщей собственности, что обеспечивает их общедоступность. Об этом мы уже писали выше и далее еще раз вернемся к этой проблеме.

В трансформационной экономике постсоветских обществ, где идет переход от бюрократически-плановой системы к экономике иного типа, наблюдается ряд принципиально особых черт отношений и прав собственности. К этим особенностям относятся:

- противоречивое сочетание черт (и в содержании, и в формах) прежней системы отношений собственности и черт частной собственности, характерных для современной рыночной экономики;
- наличие специфических переходных форм собственности;
- низкий уровень специфицированности прав собственности и широкое развитие неформальных институтов;
- существенные противоречия и разрывы между формами и реальным содержанием различных институтов собственности (теневое огосударствление ряда прав собственности частных фирм; использование в частных интересах и вне общественного контроля государственных предприятий их руководителями и др.);
- возрождение добуржуазных форм собственности (частичная личная зависимость нелегальных эмигрантов и др.);
- существенно более значимое, чем в развитых экономиках, влияние на отношения собственности неэкономических (политических, социокультурных, исторических) факторов.

В целом, однако, трансформационные системы на постсоветском пространстве движутся в направлении становления системы отношений собственности, близкой к экономикам позднеиндустриального типа с возникающими рынками.

Частная собственность пока остается господствующей. Почему? Для автора наиболее интересен не вопрос, почему господствующей (это как раз очень убедительно показали еще Адам Смит и Карл Маркс, объяснившие, почему и как переход к индустриальной экономике и национальным государствам взаимосвязан с переходом от натурального хозяйства и личной зависимости к рынку, частной собственности на капитал как господствующей с XIX в. форме собственности и наемному труду), а вопрос, почему «пока»? Почему частная собственность устарела?

Начну с классического марксистского тезиса: развитие капиталистической индустриальной системы постепенно ведет к ее самоотрицанию, о чем свидетельствует идущий на протяжении более чем столетия процесс социализации производства и собственности. Этот процесс идет нелинейно, противоречиво, но идет.

Во-первых, как мы уже отметили, все более ассоциированной становится собственность на капитал. Доминирующей формой такой собственности уже давно стали акционерные общества, где каждый индивид имеет весьма ограниченные права, а «частным собственником» является сложная пирамида власти. В современной ТНК права собственности распределены между сотнями ключевых игроков и десятками тысяч второстепенных, включая не только акционеров (пусть даже крупнейших, «забудем» о сотнях тысяч мелких

владельцев акций), но и менеджеров (как известно, в соответствии с экономической теорией неоинституционализма управление есть один из ключевых компонентов пучка прав собственности), а также государство и профсоюзы (они сильно ограничивают ныне права частной собственности, т. е. изменяют классическую модель прав частной собственности), другие корпорации, банки и т. д. В результате права собственности в корпорации очень расплывлены, хотя основной контроль за их пучком по-прежнему сохраняет относительно узкий круг лиц, которые (NB!) превращаются из классических частных собственников в корпоративную номенклатуру. (Александр Зиновьев в своей работе «Запад» очень точно показал сходство этого слоя с советской номенклатурой.) Следовательно, даже внутри «цитадели» частной собственности развиваются процессы, указывающие на то, что она превращается в номенклатурную, т. е. устаревает.

Во-вторых, мелкий бизнес в условиях постиндустриального общества становится существенно иным. Это уже не столько мелкие частные лавочки и мастерские, сколько временные творческие коллективы разработчиков, новаторов и т. п., работающих скорее как кооперативы или другие формы ассоциированной деятельности, основанной внутри коллектива в большей степени на отношениях солидарности, нежели конкуренции и/или найма. Более того, даже классические, «старые» формы мелкого бизнеса нередко уже не самостоятельны и образуют сети, зависящие от крупных корпораций, а некоторые из них, например, фермерские хозяйства, ныне во многих странах живут в условиях постоянной государственной поддержки, широко используют формы сбытовой, снабженческой и иной кооперации... перечень легко продолжить. Все эти компоненты, на первый взгляд, не меняют формы собственности, но они существенно изменяют ее экономическое содержание.

В-третьих, на протяжении всего XX в. увеличивается роль государства в экономике. Обычно, когда речь заходит о государстве и собственности, экономисты упоминают лишь о доле унитарных государственных предприятий в экономике (она действительно невелика — около 10 %). Но более важно другое: на протяжении всего XX в. растет доля государства в перераспределении ВВП (с 15–25 % в начале века до 35–55 % в конце¹). Значит, на время этого перераспределения государство прямо или косвенно становится собственником от одной трети до половины всего производимого в стране богатства. Еще важнее то, что государство (во всяком случае, социально ответственное, как, например, в странах ЕС) контролирует большую часть образования, фундаментальной науки и здравоохранения, природных заповедников, важ-

¹ Эти цифры общеизвестны и приводятся, в частности, в работе А. А. Пороховского «Вектор экономического развития» (М., 2003). В этой работе показаны, в частности, и страновые вариации: от 35–40 % в странах с либеральной моделью экономики (например, США) до 50 % и более в скандинавских странах.

нейшие объекты культурного наследия и т. п. А это сферы постиндустриальной экономики, которым принадлежит ныне такая же роль, какая была у индустрии в XIX в. Наконец, государство контролирует значительную часть «пучка» прав собственности частных фирм (их деятельность жестко ограничена в социальном, экологическом, культурном и других отношениях, особенно важных в условиях перехода к обществу знаний).

Итак, частная собственность еще господствует в нынешнем мире в той мере, в какой сохраняется гегемония глобального капитала, но эта частная собственность уже в известной степени социализирована, существенно ограничена и дополнена элементами общественного присвоения и распоряжения — то есть, по большому счету (в соотношении с прогрессивными технологическими и культурными тенденциями общества знаний), устарела.

Последний тезис, впрочем, все еще не очевиден. Чтобы обосновать его более убедительно, соотнесем наиболее значимые черты новой постиндустриальной эпохи с некоторыми фундаментальными принципами частной собственности.

Креатосфера: всеобщая собственность или собственность *каждого* на все. Выше мы уже указали на достаточно отчетливо прослеживающуюся связь: чем больше развивается общество знаний (мир творчества, культурного диалога), тем быстрее устаревает частная собственность как форма эффективно использования и присвоения благ.

Начнем с объектов собственности и напомним некоторые выводы, сделанные ранее. К числу аксиом современной неоклассической экономической теории (их выносят в предисловие любого из многих десятков «экономиксов») относятся тезисы об ограниченности ресурсов («на язык обыденного сознания этот тезис переводится известным выражением «Всем всего никогда не хватит») и безграничности потребностей. Именно эта аксиоматика лежит в основе любых рассуждений (Хайека и Ко) о «естественности» частной собственности!..

По мере угасания индустриальной экономики и массового производства мир входит в эпоху качественно иных объектов собственности. Постепенно господствующими в экономике становятся не ограниченные ресурсы (природа и человек в прежней системе отношений также воспринимаются только как ресурсы), а новый тип «ресурсов», которые теряют качества ограниченности, — всеобщие культурные ценности. Эти «ресурсы» неограниченны, неуничтожимы, они могут быть «потребляемы» сколь угодно широким кругом лиц и на протяжении сколь угодно продолжительного периода времени. И это такой пирог, который становится тем больше, чем шире круг едоков и чем активнее они его поедают (так, Чайковский, «съев» творение Пушкина, создает свою оперу и «пирог» искусства становится богаче).

Конечно, эти всеобщие «ресурсы» ограничены, причем ограничены абсолютно: природа как биосфера и человек как творческий субъект актуально ограничены в своем потенциале диалога («съесть пирог» культуры очень трудно), хотя и открыты в бесконечность (в пределе человек и биосфера открыты для бесконечного самосовершенствования). Впрочем, об этом мы уже писали в предыдущей части.

Вот почему эти всеобщие и неограниченные блага, составляющие суть экономики знаний, по своей природе уже не нуждаются во внешнем ограничении доступа к ним, могут не быть объектом частной собственности. Более того, частная собственность лишь искусственно ограничивает доступ к ним, создавая преграды на пути освоения культуры. Безусловно, собственно материальное производство остается как один из относительно малозначительных секторов экономики (с долей занятых менее четверти), но господствующей становится сфера «производства» культурных ценностей, т. е. общественных благ. Здесь действует то же правило, что и при переходе от доиндустриальной экономики к индустриальной: еще в XIX в. подавляющее большинство россиян не понимало, как может прокормить себя страна, в которой крестьянство не будет составлять подавляющего большинства населения. Однако опыт уже прошлого века показал: чтобы обеспечить избыток зерна и мяса, надо сократить аграрное население с 80 до 5 %. Так же опыт нынешнего века покажет: чтобы обеспечить массу утилитарных материальных благ, надо перейти от индустриального производства к постиндустриальному, радикально сократив число занятых в материальном производстве. Соответственно, произойдут и изменения в отношениях собственности: подобно тому, как переход от аграрной экономики к индустриальной сделал неэффективной (а не только аморальной) частную собственность на человека, так и переход к экономике знаний, образования и культуры сделает неэффективной частную собственность на эти объекты.

Соответственно изменяется и субъект собственности. На смену рациональному homo economicus идет homo creator — субъект с иной системой ценностей, потребностей и мотивов. Потребности в условиях нового мира становятся иными: они не утилитарны и качественно безграничны, но при этом ограничены количественно, в отличие от утилитарных потребностей. Несколько упрощая эту связь, я бы ее сформулировал следующим образом: в той мере, в какой каждый из нас остается homo economicus, мы стремимся максимизировать количество утилитарных благ (по возможности, наиболее престижных); в той мере, в какой в нас развиты мотивация и ценности homo creator, мы стремимся к самореализации в творческой деятельности, к культурному диалогу. При этом под качественной безграничностью потребностей «человека творческого» я понимаю то, что он никогда не ограничен данным

кругом культурных феноменов. Он всегда стремится к новому, стремится выйти за достигнутые рамки, и это стремление направляет всю его деятельность. Деятельность и самореализация в ней, а не возможный доход от нее, становятся главным мотивом и главной ценностью.

Соответственно с изменением объектов и субъектов изменяются и сами отношения. В пространстве и времени культуры условием творческой деятельности диалог и сотрудничество не могут не быть неотчужденными, а это антитеза конкуренции частных собственников, ведь творчество — это деятельность, развивающая ее агентов и созидаящая культурные ценности в процессе диалога (субъект-субъектного отношения) между индивидами (см. работы Г. Батищева, В. Библиера и др.) [2]. Ключевым «ресурсом» для такой деятельности становится сам творческий человек. Формирование человека, обладающего творческим, культурным потенциалом, новаторскими способностями, становится главным инструментом прогресса и главной задачей человечества. Иначе говоря, перед нами та же задача свободного всестороннего развития личности, которая была поставлена ренессансными гуманистами еще 500 лет назад.

Такой человек не нуждается более в частной собственности. Он (каждый из нас в процессе учебы или творчества, чтения умной книги или воспитания ребенка) в этом мире является собственником всего, до чего может дотянуться его пытливый и деятельный ум. Это не частное, но сугубо индивидуальное присвоение (точнее, освоение) всеобщего (принадлежащего каждому) богатства. Здесь (в отличие от «старой» общественной собственности на ограниченные ресурсы, где все в той или иной мере были собственниками ограниченных общих благ) каждый непосредственно (в своей творческой деятельности) является собственником всех благ, и в этой мере мы можем говорить о снятии и частной, и общественной собственности в присвоении каждым всего в той мере, в какой ему хватает его личностного потенциала. Каждому, кто не верит этому тезису или не понимает его смысла, автор искренне советует отправиться в ближайшую приличную публичную библиотеку и понять, что он может абсолютно бесплатно (в отличие от знаменитого сыра в мышеловке) присваивать сколь угодно великие богатства, выработанные человечеством. Богатства, в сравнении с которыми даже Мерседес-600 — всего лишь быстро ржавеющая железзяка.

Вот почему общество знаний в потенции (безусловно, сами по себе качественные изменения технологий, характера труда недостаточны для смены общественно-экономической системы — к этому может привести только социальная революция) [3]. Это мир, в котором правилом становится не древнее «это — мое» и не идущее от «реального социализма»: «общее — значит ничье», а качественно новое: «каждый — собственник всего». Это, если угодно,

универсальная, или всеобщая, индивидуальная (снятая «частная») собственность каждого на все. Вот почему общество знаний могло бы выразить свое кредо словами Карла Маркса: **снятие¹ частной собственности!**

Именно в этом и состоит главный пафос нашего текста: частная собственность устарела, следовательно, требует снятия (по законам развития, где отрицание всегда содержит в себе и наследование, сохранение) в новом качестве, подобно тому, как были сняты в процессе буржуазных трансформаций (в том числе революций) институты феодального общества новыми, буржуазными институтами (в том числе институтами капиталистической частной собственности).

По ту сторону частной собственности: проблемы остаются... А теперь скажем о возможных возражениях. Мне хорошо известно, что в последнее время процесс социализации собственности (да и вообще экономики) замедлился, а в иных странах сменился на обратный. Не менее хорошо мне известно и то, что о переходе к обществу знаний и опоре на потенциал творчества ныне можно говорить лишь применительно к формам корпоративного капитала (не скажу «частной собственности», ибо, как уже было замечено, ТНК или Пентагон трудно назвать «частником» в классическом — хайкевском — смысле слова). Однако...

Во-первых, хорошо известно, что в трансформационные периоды социальное время не течет линейно². Реверсивный, регрессивный ход истории — одна из типичных тенденций переходных состояний, и он рано или поздно сменится прогрессивным³. Так, от феодализма и абсолютизма человечество шло к рынку, капиталу и демократии более 400 лет, сквозь кровь революций и пот реформ. Столь же нелинеен и начавшийся переход к новой общественной жизни, адекватной вызовам постиндустриальной эпохи, и я не склонен впадать в абсолютный пессимизм только потому, что мы сейчас попали в русло реверсивного течения исторического времени.

Во-вторых, тенденции десоциализации не абсолютны: это лишь некоторое отступление, и ныне в Европе мера самоотрицания частной собственности и рынка, роль государства и гражданского общества в экономике намного выше, чем, скажем, всего 30–40 лет назад.

В-третьих, реверсивные изменения последних двух десятилетий протекают на фоне обострения глобальных проблем, роста насилия, обострения со-

¹ На русский язык в советские времена этот тезис был ошибочно переведен как «уничтожение».

² Этот тезис раскрыт, в частности, в учебнике «Экономика переходного периода» (М., 1997).

³ В данном случае автор следует известной со времен просвещения парадигме, понимающей прогресс как свободное гармоничное развитие человека. В разных вариациях она представлена в работах практически всех марксистов, большинства экзистенциалистов (прежде всего — Ж.-П. Сартра), а также Э. Фромма, А. Печчи и десятков других ученых-гуманистов.

циального неравенства и других явлений, о которых даже правополиберальные социологи и экономисты размышляют без всякого оптимизма. Следовательно, те экономические и социальные формы, в которых ныне протекают постиндустриальные тенденции, далеки от оптимальных. На этой основе можно предположить, что попытки сохранить господство устаревшей ныне частной собственности в таких формах, которые дает власть глобальных игроков (ТНК, НАТО и т. п.) — это путь, столь же неадекватный для генезиса общества знаний, сколь неадекватен был абсолютизм для развития процессов индустриализации четыреста-двести лет назад.

Сделанный выше вывод подтверждается также тем, что нынешняя (по большому счету остающаяся в рамках частной собственности, хотя и видоизмененной) модель генезиса общества знаний привела к тому, что большая часть наиболее эффективных и важных для общественного развития ресурсов сосредоточена в секторе, который я с некоторой долей условности назвал бы «превратным» или «фиктивным». Это сферы, в которых не создаются ни материальные, ни культурные блага, но обращаются гигантские ресурсы. Компоненты этой «фиктивной» экономики хорошо известны — финансовые спекуляции, объем которых еще 10 лет назад превысил 500 000 миллиардов долларов в год (0,1 % этих средств достаточно, чтобы вдвое поднять уровень жизни беднейшего миллиарда жителей Земли), военные расходы, вдвойне бессмысленные после распада советского блока, паразитическое перепотребление (так, средства, расходуемые на производство «элитной» косметики, превышают средства, расходуемые на помощь голодающим), масс-культура... перечень легко продолжить.

И последнее. В сегодняшнем мире хорошо известны *альтернативы* развитию устаревшей, основанной на частной собственности и глобальной гегемонии капитала модели социально-экономического развития. И это отнюдь не сталинский казарменный коммунизм. Одним из наиболее динамичных секторов современного мирового хозяйства является «экономика солидарности». В ее рамках уже найдены сотни и тысячи разнообразных способов хозяйствования, основанных на разных формах общественного распоряжения и присвоения — от создания систем бесплатного общедоступного программного обеспечения и образования до крестьянских кооперативов и сетей «честной торговли»... Более того, в рамках альтерглобалистского движения эти пост-частные формы социально-экономической организации координируются в интернациональном масштабе, распространяясь по всему миру — от беднейших крестьянских хозяйств Латинской Америки и Индии до инновационных ВТК в странах золотого миллиарда. Но анализ этих новых ростков — тема, лежащая за пределами данного текста.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бузгалин А. В. Глобальный капитал / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. — М. : УРСС, 2004; Бузгалин А. В. Анти-Поппер. Социальное освобождение и его друзья / А. В. Бузгалин. — М. : УРСС, 2003; Альтерглобализм. Теория и практика «антиглобалистского» движения. — М. : УРСС, 2003; Глобализация сопротивления. — М. : УРСС, 2004.
2. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества / Г. С. Батищев. — СПб., 1997; Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М., 1962.
3. Бузгалин А. В. Социальные революции: ассоциированное социальное творчество и культура / А. В. Бузгалин // Альтернативы. — 2005. — № 1.

ПРИВАТНА ВЛАСНІСТЬ ЗАСТАРІЛА

Бузгалин А. В.

Розглянуто основні підходи (неокласичний, неоінституціональний, класичного інституціоналізму, марксистський) до визначення природи й основних форм приватної власності, її історична еволюція. Розкрито зміни приватної власності в умовах глобалізації, генезису постіндустріальних технологій, доведено їх суперечливість. Обґрунтовано особливості відносин і прав власності в трансформаційній економіці.

Ключові слова: приватна власність, права власності, форми власності, система відносин власності.

PECULIAR IS OUTDATED

Buzgalin A. V.

The basic approaches (neoclassical, neoinstitutional, classic institutional, marxist) to determination of nature and basic patterns of private ownership, her historical evolution are examined. The changes of peculiar in the conditions of globalization, genesis of postindustrial technologies, their contradiction are well-proven. The features of relations and ownership rights in a transformation economy are grounded.

Key words: private ownership, ownership rights, patterns of ownership, system of relations of property.